

20.08.03
Андрей Панин

АНДРЕЙ ПАНИН:

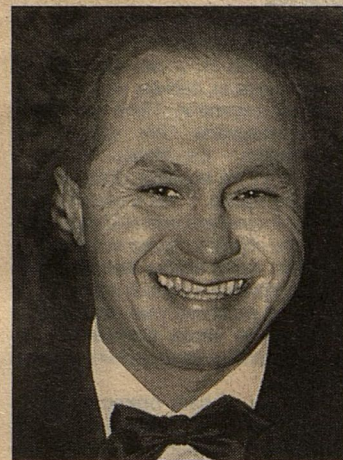
Карен Шахназаров приступил на "Мосфильме" к съемкам своего нового фильма "Конь бледный". Главную роль в нем сыграл Андрей ПАНИН, один из наиболее популярных сегодня артистов, хотя сам он придерживается иного мнения.

— Это ложное впечатление, что я — такой востребованный актер. Годы два-три назад действительно был из когорты самых снимающихся. И "Шик" Бахтияра Худойназарова, и "Даже не думай!" Руслана Бальцера, недавно вышедшие в прокат, начали сниматься давным-давно. Вышла картина Александра Прошкина "Три", в которой работал год назад. Кое-что осталось закончить с Павлом Чухраем в "Водителе для Веры" — всякие там технические штучки.

— У Чухрая интересная роль?

— Об этом сейчас сложно говорить. Достоевского ведь в последнее время никто не экранизирует, если не считать Бортко с его "Идиотом". По сравнению с театральными работами работа в кино представляется мне рутинной. Размахнуться, грубо говоря, нет возможности. Точнее — не было. Недавно судьба несколько смилостивилась: снимаюсь у Карена Шахназарова в фильме по автобиографичному роману Бориса Савинкова "Конь бледный", где играю Савинкова.

Это был очень талантливый во многих отношениях и загадочный человек, диссидент по крови, борец против царизма, идеолог и организатор террористического движения. Не было бы Савинкова, грубо говоря, не было бы и Ленина. И при этом романтик по натуре, которого знали и люби-

А. Панин

ли и Гиппиус, и Мережковский. Гиппиус говорила, например, что Савинкова нельзя назвать гением, потому что у него было слишком много сильных начал и ни на одном из них он не мог сфокусироваться. Гений обычно на чем-то одном сосредоточен. Савинков был, как я понимаю, предтечей многого, в том числе и фашизма. Конечно, очень интересно играть такого человека. Не знаю, не знаю, что получится. По плану съемочный период заканчивается в конце сентября.

— В таком случае поговорим о том, что сделано. Как вам работало с Худойназаровым?

— С Бахтиером мы познакомились случайно — на приеме по случаю вручения каких-то премий. Он, как я и ожидал, оказался интересным человеком, зазорным, хотя и не простым в работе и в жизни. Если охарактеризовать наши взаимоотношения одним словом, то это будет "пытли-вость". Мы вместе старались доко-

паться до истины в каждой сцене. А если так попробуем? А если так? Не раз переписывали сцены, переделывали на репетициях, переснимали. Бахтиер был инициатором наших споров, совместного поиска. Мне приятно, что он облекал меня доверием, я чувствовал свою ответственность. Кино, как мне кажется, получилось.

— "Даже не думай!" — тоже полу-чилось?

— Вспомните, как герои одеты: Бог знает во что, как какие-то негритянские репперы. Это некий комикс. Некий стейб. Пародия. Непонятно, как это все играть. И мне в общем фильм понравился. Я пришел на просмотр уставший и намеревался, признаюсь, вздремнуть. Но не уснул и даже пару раз изрядно повеселился. Подобного в нашем кино, по моему, еще не было. Почему-то мне вспомнился фильм из детства — "Дорогой мальчик". Там тоже кого-то тохитили, какие-то мультики внутри — ну совсем идиотское, подростковое кино, но которым мы восхищались. Вот и здесь повяло чем-то детским, наивным, непосредственным. Когда все кажется легкодоступным, все тебе позволено, мир у твоих ног, вдруг раз — и ты уже падишах и держишь за бороду джинна из бутылки. И вот такую сказочку — в развернутом, обильном варианте — и представляет собой наш фильм. Что-то в нем есть и от Гая Ритчи — вспомните его "Большой куш". Это шутка по поводу шутки. Бальцер сделал картину в эмтативной манере, которая в принципе для меня неприемлема, потому что я уже довольно старенький, мне уже трезвому на дискотеке танцевать неприлично. Но сделан фильм талантливо, и молодежь, думаю, будет от нее тащиться.

— Когда я смотрел картину, то родилась аналогия с "Бригадой", где вы также заняты. Да, здесь совершенно в другом ключе, в другом жанре, но о том же: симпатичные ребята ловят кайф от насилия. Опять мы видим на экране героизацию бандитизма, своего рода его пропаганду. Вам так не кажется?

— Мне кажется странным эхо, которое пошло в прессе после "Бригады", насчет воспеания насилия. Да всем этим наше кино занимается уже лет пятнадцать — так что реакция запоздалая, проехали. Да и нет в "Бригаде" воспеания, я вас умоляю, — так, робингудовщина на новый лад. А в "Даже не думай!" — тем более. Назовите мне наиболее значимые голливудские фильмы за последние двадцать лет — в половине из них так или иначе затрагивается эта тема. И не забывайте: "Бригада" задумывалась шесть лет назад!

— Но теперь она попала в точку, вон какой резонанс пошел!

— Не по теме своей попала, а по героям, по качеству сериала.

— В "Даже не думай!" бросается в глаза громадная разница между актерами вашего поколения и молодыми. Причем они не новички, их воспринимают как надежду нашего кино. Вот ваш одноклассник Алексей Панин стал лауреатом премии "Триумф" и Госпремии. Много говорят об Алексее Алексееве, об Игоре Петренко, который Травкина сыграл в "Звезде" и совсем недавно снялся в главной роли в "Кармен". Чем вы это объясните?

— С одной стороны, есть безусловная разница в опыте. Вспомните Гурченко в "Карнавальная ночь". Снялась, а затем последовал большой

перерыв, и он сыграл благотворную роль. Был милый, прелестный типаж, а тут появилась Актриса. Думаю, Гурченко не была бы Гурченко, если бы ее в свое время не забыли. Годы лишений, борьбы сделали ее личностью. Наши пацанов просто не били, а без этого им трудно будет что-то завоевать.

На Западе легче. Я имею в виду систему профессиональной подготовки актеров, где очень жесткий отбор, характер работы на съемках. Если мы выпускаем в год полсотни картин, то Голливуд плюс независимые студии — в десять, в пятьдесят раз больше. Так где масса возможностей раскрыться таланту актера? Где больше шансов попасть к режиссеру, который сможет "вытащить" тебя?

— Как я понял, вас не устраивает сама система обучения в наших актерских вузах...

— Актерской школы как таковой у нас я не вижу. Не видел, честно говоря, и в мое время. То, что мы в этом плане впереди планеты всей, — старая, старая легенда. И театральной школы у нас уже нет. Люди, которые ее основали, уже ушли. Есть отдельные хорошие преподаватели — не более того. Все меняется, все линяет, устаревают. Потом приходят другие люди, рождается новая школа. Но пока я не вижу, что они пришли.

— Но звезды рождаются и без школы. А я не вижу среди молодежи звезд...

— А кто из известнейших ныне актеров в возрасте моих молодых коллег по фильму "Даже не думай!" был звездой?

— Вы говорили об отсутствии у молодых опыта, актерского и жизненного, о том, как важно быть бытым. Но представьте ситуацию, что вам в возрасте Игоря Петрен-

ко или Алексея Панина посчастливилось сыграть в кино роли, какие достались им. Вы им не завидуете? Ведь вам удалось пробиться на большой экран много позже, чем им, когда уже было далеко за тридцать...

— В мое время не было кино...

— Как не было?

— Мне было 28 лет, когда я окончил Школу-студию МХАТа. Тогда, в 1990 году, что снимали? Да, много фильмов было в производстве. Но, снимая кино, занимались отмыванием денег, произошел чудовищный облом в смысле профессии. Все было чрезвычайно убого — и в смысле драматургии, и в смысле режиссуры, и в смысле актерской игры. Да разве можно было в таких условиях сыграть что-то стоящее? Теперь ситуация изменилась к лучшему. Трудно попасть в нужное время, встретиться в нужном месте с нужными людьми — без Госпожи Удачи ну никак не обойтись! Но если бы мне, допустим, только сейчас стукнуло 28, смог бы я достойно использовать свой шанс в кино? Не берусь судить.

Вспомните доброе старое советское кино, которое якобы погибло. Если уж судить по большому счету, смотреть было нечего. Поднажившись, можно вспомнить тридцать, ну сорок картин — так это ж за 70 лет!

— Вы не задумывались над тем, почему известнейшие наши режиссеры, которые в прошлом так радовали, ныне ничего путного не могут создать?

— Прежде всего, потому, что произошел крах всей нашей жизни. Может быть, им надо было подождать, чтобы что-то рассмотреть, а не слушать самих себя. Наше время нужно понять, переварить. Недаром вели-

кие фильмы о войне появились много лет спустя после ее окончания, а не сразу, когда мир был оглушен взрывами.

— Почему только в 28 вы стали актером?

— Так судьба сложилась: это мой третий вуз. До этого был пищевой в Кемерове, затем там же Институт культуры, где изучал режиссуру.

— А почему пищевой? Почему Институт культуры? Неужели вы не чувствовали в себе тяги к актерской профессии?

— В то время мне было все равно, куда поступать. А потом вдруг потянуло в режиссуру.

— Еще во время учебы ваши учителя примечали в вас педагогический дар, и вскоре вы, совсем еще молодой, вместе с ними стали учить студентов. Вы продолжаете преподавать?

— Нет, я ушел и из МХАТа, и из Школы-студии МХАТа. Сейчас, правда, предпринимаю попытки организовать нечто свое, набрать новый курс, но что из этого получится, неизвестно. Возможно, будет коммерческий курс при одном из крупных творческих вузов — человек 25 — 30. Есть предварительная договоренность с людьми, которых я хотел бы видеть своими коллегами. Но о них говорить еще рано. Когда система заработает, это, вполне возможно, будут уже другие люди. Реклама, которую вы видели по телевизору, касается только предварительного, отборочного этапа. Может быть, все станет реальностью в будущем году.

— А почему, кстати, вы ушли и из Школы-студии, и из театра?

— Тут много причин. Но главное, наверное, то, что хотелось успеть как-то развиться самому. Театр и преподавательская работа отни-

мали слишком много времени.

— В начале разговора вы сказали, что кино не предлагает вам ролей масштаба Достоевского. Но во МХАТе у вас были хорошие роли.

— Я ушел из-за "достоевщины" внутри МХАТа. А точнее — из-за "зошениковщины" внутри него. Это было пять лет назад.

— Но пришел Олег Табаков. Он вам не предлагал вернуться?

— Нет. Интересное теперь может быть только на моих условиях. Да и время сейчас не такое, чтобы работать в репертуарном театре. Тот вариант, в котором он существует, — отрывка советского прошлого.

— А антрепризный театр вас устраивает?

— Только в том смысле, что собираются люди профессиональные, уважающие друг друга, и с определенной целью. Никто из них никому не строит козни. Они собрались просто вместе поработать. С разной, правда, долей успеха. Но не всегда можно понять, где кончается репертуарный театр и где начинается антреприза. Приглашение "чужого" актера в спектакль — это антреприза или репертуарный театр? Скорее некий симбиоз. В таком театре я начал работать по контракту девять лет назад и до сих пор работаю — имею в виду спектакль "Смертельный номер" в Театре Табакова, который собрал, кажется, все театральные премии, какие только существуют в России. Мне доставляет громадное удовольствие работать вместе с Колей Фоменко в спектакле "Академия смеха". Вот и вся моя антреприза.

Беседу вел Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ